

«Остановка в пустыне»

Его первая *настоящая* книга, «Остановка в пустыне», вышла в Нью-Йорке в 1970 году²⁷⁸. Это большая книга – в ней семьдесят стихотворений, поэмы «Исаак и Авраам» и «Горбунов и Горчаков», да еще четыре перевода из Джона Донна в конце. «Исаак и Авраам» и двадцать два стихотворения (из них пятнадцать, написанных до 1963 года) повторяют вошедшее в «Стихотворения и поэмы», но более чем на две трети это книга новых, зрелых стихов. Все ювенильное, подражательное отсеивается, даже такие популярные вещи, как «Стансы» («Ни страны, ни погоста...») и «Еврейское кладбище около Ленинграда». Разделы и порядок стихов внутри разделов продуманы автором. Основную часть рукописи Бродский

275 Там же.

276 Там же. С. V-VI.

277 Об одной из последних попыток Бродского напечататься на родине рассказывает бывший сотрудник ленинградского молодежного журнала «Аврора» Е. Клепикова.

«Бродский излучал на всю редакцию уже нечеловеческое обаяние. Даже тогдашний главный редактор, партийная, но с либеральным уклоном, дама Косарева подпала – заручившись, правда, поддержкой обкома – под интенсивные поэтовы чары (о Н. С. Косаревой см. в главе IV. – *Л. Л.*). В обкоме, просмотрев Осину подборку, предложили, как положено, что-то изменить. Не сильно и не обидно для автора. Бродский отказался, но заменил другим стихом. Еще пару раз обком и Бродский поиграли в эту чехарду со стихиками. И одобренная свыше подборка была, впервые на Осиной памяти, поставлена в номер. [...] Короче, обком с КГБ на компромисс с публикацией Бродского пошли, а вот Осины коллеги – группа маститых и влиятельных поэтов – воспротивились бурно, хотя и приватно. Поздним вечером в пустой «Авроре» собралась в экстренном порядке редколлегия молодежного журнала, средний возраст 67 – исключительно по поводу стихов Бродского, уже готовых в номер. Ретивые мастодонты раздолбали подборку за малую художественность и сознательное затемнение смысла» (*Клепикова 2001*).

278 История издания *ОВП* описана Джорджем Клайном (*Клайн 1998*).

передал американскому профессору и переводчику его стихов Джорджу Клайну в Ленинграде в июне 1968 года. Это было опасное предприятие и для вывозившего рукопись контрабандой американца и тем более для Бродского. После недавнего процесса Синявского и Даниэля уже само словосочетание «передача рукописей на Запад» звучало как «шпионаж» или «предательство родины». Хотя ничего подобного политической сатире Синявского и Даниэля в стихах Бродского не было, иные пассажи в «Письме в бутылке», «Остановке в пустыне» и «Горбунове и Горчакове» советские карательные органы легко могли интерпретировать как антисоветские. В «либеральные» шестидесятые годы людей, бывало, сажали за то, что они читали и давали читать друзьям «Доктора Живаго».

История издания «Остановки в пустыне» рассказана Джорджем Клайном. «Когда вернувшийся из ссылки Бродский впервые увидел „Стихотворения и поэмы“ в ноябре 1965 года, он испытал смешанные чувства: с одной стороны, двадцатипятилетнему поэту, не сумевшему ничего опубликовать на родине, приятно было увидеть изданный в эмиграции том своих стихов. Но с 1957 до 1965 года его развитие было стремительным, и он испытал разочарование, увидев, как много в книге *juvenilia* 1957–1961 годов. У него также вызвали раздражение довольно многочисленные опечатки и некоторые ошибки, хотя, я думаю, он несомненно понимал, что невозможно было бы выпустить безупречную в этом отношении книгу, работая с самиздатскими материалами, без какого бы то ни было контакта с автором. Он быстро напечатал на машинке список из 26 стихотворений, написанных между 1957 и 1961 годами, которые он не хотел включать в намечавшийся сборник. Из этих двадцати шести 22 входили в „Стихотворения и поэмы“²⁷⁹. Клайн выражал опасения, не грозит ли авторизованный выход нового сборника на Западе неприятностями автору, но Бродский был решительно настроен на издание «Остановки в пустыне».

Нью-йоркское русскоязычное издательство имени Чехова, выпустившее большое количество книг в пятидесятые годы, в шестидесятые практически прекратило свою деятельность, пока его не восстановил бизнесмен и активист солидарности с правозащитным движением в СССР Эдвард Клайн (однофамилец переводчика Бродского). Главным редактором обновленного издательства стал профессор Колумбийского университета Макс Хейуорд, известный своими переводами из русской литературы, а первой намеченной к изданию книгой – «Остановка в пустыне». Книга, как вспоминает Джордж Клайн, «могла выйти уже в 1969 году, но мы ждали получения от Бродского его замечательной ... поэмы „Горбунов и Горчаков“». Она была закончена в конце 1968 года. До нас она добралась только к середине 1969 года. Карлу Профферу удалось послать рукопись из Москвы диппочтой. В „Остановке в пустыне“ стояло имя Макса Хейуорда как главного редактора издательства. Фактическим редактором книги считался у них я, но мы с Хейуордом и Эдом Клайном решили, что лучше моего имени не упоминать, поскольку, начиная с 1968 года, главным образом из-за моих контактов с Бродским, меня взял на заметку КГБ. <...> Сам-то я считал, что подлинным редактором был сам Бродский, так как это он отобрал, что включить в книгу, наметил порядок стихотворений и дал названия шести разделам. Аманда Хайт встретила с Бродским и Найманом в Москве в сентябре 1970 года и писала мне, что „Остановку в пустыне“ „в целом все весьма одобрили“ и что автор „определенно в восторге“ от книги. Но в книге, которую Аманда привезла Найману, Бродский тут же стал делать исправления опечаток и небольших ошибок. Позднее он прислал мне список поправок»²⁸⁰.

На книгу сразу появились отклики в эмигрантской печати. В нью-йоркском «Новом русском слове» от 7 июля 1970 года один из старейших литераторов эмиграции Аргус (М. К. Эйзенштадт) приветствовал книгу как свидетельство сопротивления молодой интеллигенции советскому режиму, то есть, по существу, не заметив лирики. «Бродский оказался

279 Клайн 1998. С. 219.

280 Там же. С. 222–223. Бродский отметил семьдесят ошибок в книге. Все они были учтены при переиздании в 2000 г.

вынужденным на пути к бессмертию несколько раз останавливаться в пустыне – в выжженной пустыне советской литературы», – красиво, но не слишком вразумительно писал Аргус, не понявший символического значения пустыни в метафизике Бродского. В «Новом журнале» (Нью-Йорк) поэт и литературовед Ю. П. Иваск особо отмечал поэму «Горбунов и Горчаков» как свидетельство творческой зрелости Бродского: «Во многих монологах этой поэмы мы слышим уже не лепет подающего надежды талантливой отрока-поэта, а речь умудренного мужа, спокойного и власть имущего поэта-мастера, свободно, без видимого усилия, вращающего послушные ему медлительные пятистопные ямбы, вмещенные в тесные формы монументальной децимы»²⁸¹. Вяч. Завалишин, напротив, полагал, что первая книга Бродского была интереснее, демонстрировала больше новаторства: «А чтение „Остановки в пустыне“ все же оставляет горьковатый осадок: дарование Бродского как-то потускнело и посерело сравнительно с его ранними стихами. <...> Трагедия Бродского и таких, как Бродский – в том, что они растерялись, оказавшись без ментора большого масштаба. Будучи предоставлен самому себе, своим силам, Бродский, вместо того чтобы подняться на верхнюю ступеньку, спустился на нижнюю»²⁸². Бурное возмущение у авторов, писавших в «Новое русское слово», вызвало предисловие «Н. Н.» (А. Г. Наймана), по мнению Вяч. Завалишина, написанное так, что «многое в нем непонятно, а то, что можно с грехом пополам понять, нередко бывает или несправедливым или, что гораздо хуже, бессовестным». Возмутило критиков в предисловии «Н. Н.» как не аргументированное, по их мнению, сопоставление Бродского с классиками русской литературы, так и огульное охаивание некоторых современных поэтов: «Выпуск книги Бродского с таким предисловием – медвежья услуга прежде всего самому Бродскому. Можно сказать, провокация...»²⁸³. В письме в редакцию Эд. Клайн оправдывался: «Заметки, послужившие основой для вступления, были написаны в спешке, и автор надеялся переписать их заново. К сожалению, переработанный текст не был получен редакцией»²⁸⁴. Опорами композиции «Остановки в пустыне» служат две поэмы – «Исаак и Аврам» в начале сборника и «Горбунов и Горчаков» в конце. На пути духовной эволюции Бродского эти две поэмы отмечают периоды усвоения Библии – Ветхого и Нового Заветов. На его поэтическом пути – становление и утверждение собственного стиля: композиционных приемов, системы словесных образов (символического словаря), оригинальной версификации.